
?
18+

Елена Малыхина

Байки Марго из Зазеркалья

https://litres.ru/74731097
SelfPub; 2026

Аннотация

В Зазеркалье, где живут упыри и вурдалаки, где колобки получают злато за то, что их нет, а змеи из Тридевятого царства требуют своё по праву родства, живёт женщина по имени Марго. Она не судья и не спасательница. Она — та, кто видит. Та, кто наливает чай, слушает молчание и задаёт один вопрос: «А ты уверен, что тебе это нужно?»

Это книга о том, как люди продают память за злато и остаются пустыми. О том, как кузнечики отбатрачивают по уплате, а один хитрец прикидывается дураком. О том, как дворник Портупей-Неумей садит картошку в тени, а тыквы у него воруют. О том, как Агафья Рвачка требует злато, которого не заслужила, и как Пампушка-Хитрушка переписывает пергамент ради выгоды.

Каждая байка — это маленькая притча. Читается отдельно. Но вместе они складываются в один мир — смешной, абсурдный, мудрый и очень живой. Мир, где злато не решает всё, а правда всегда возвращается.

Для тех, кто устал быть удобным. Для тех, кто ищет правду в сказке. И для тех, кто готов услышать тишину.

Елена Малыхина
Байки Марго из Зазеркалья

Байка первая. Как Марго ставила защиту от Бабы Яги

Однажды Марго сидела на крыльце своего домика в Зазеркалье, пила чай с мятой и рассматривала облака. И вдруг слышит — шорох. Шорох не простой, а с характерным запахом болота.

Она обернулась — а к ней из леса, хромая и опираясь на клюку, выходит Баба Яга. Хитрая, с седыми космами, нос крючком, и в глазах — знакомый голодный блеск. Не на обед, а на душу. И голос такой — будто мёд с болотной кислинкой:

— Здравствуй, Марго... Скучала я по тебе... Как жизнь? Как дела? Как самочувствие? Поделишься?

И тут Марго поняла: эта пиявка — не простая. Эта — с дипломом. Она не просто сосёт энергию, она ещё и причитает: «Ах, я бедная, ах, я старая, ах, меня никто не любит». Но Марго была уже не та. Она сделала глоток чая, улыбнулась и сказала:

— Баба Яга, я тебя люблю, но душа моя сегодня в отпуске. Отдыхает. На удалёнке. Если хочешь — посиди рядом, чайку попей, но давай без забора.

Яга опешила. Она не привыкла к отказам. Она привыкла, что все сразу бросаются её жалеть и отдавать последнее.

— Как это — без забора? — переспросила Яга. — Ты что, не видишь, как мне плохо? У меня избушка на курьих ножках разваливается, в ступе турбина забарахлила, а Леший перестал здороваться!

— Вижу, — сказала Марго. — И мне искренне жаль. Но моя жалость — она как зелье: если я буду раздавать её всем, кто просит, я сама превращусь в берёзу. У меня свои дела. И своя душа. Она не проходной двор.

Яга нахмурилась. Она попыталась зайти с другой стороны:

— Ну тогда дай мне хотя бы твоего спокойствия! У тебя его много, ты не заметишь!

— Замечу, — ответила Марго. — Спокойствие — оно как масло в моей лампе. Если я его отолью, моя внутренняя искорка погаснет. А я хочу светить. Себе. И тем, кто не пьёт из меня.

Яга заскрежетала зубами. Но сделать ничего не могла. Потому что Марго сидела — мягкая, улыбчивая, чайная, но неуязвимая. Как будто невидимый купол встал между ними.

— Ну и сиди со своим чаем, — буркнула Яга, поднимаясь. — Я к Горынычу пойду. Он хоть пожертвует — ему не жалко.

— Конечно, иди, — сказала Марго. — Только Горыныча на прошлой неделе Водяной научил своё тепло беречь. Он теперь отдаёт только дым, и то — по записи.

Яга замерла. Осознала, что мир вокруг неё меняется. Что люди больше не хотят быть бесконечными источниками.

— И что же мне делать? — спросила она, и в голосе её впервые промелькнула не злость, а растерянность.

— А ты попробуй свою силу обновить, — спокойно посоветовала Марго. — Сходи на болото, посиди в тишине, подумай. Может, ты не пиявка вовсе, а просто уставшая Яга, которая забыла, как добывать свет внутри себя.

Яга фыркнула, но в её глазах зажглась искра. Не злая — задумчивая. Она развернулась и ушла в лес, стуча клюкой. А Марго долила себе чаю и подумала:

«Защита — это не когда ты никого не пускаешь. Это когда ты знаешь, что твоё — только твоё. И чужую боль ты носишь только тогда, когда сама решишь. А не когда кто-то сядет на шею и ноги свесит».

Маленький итог от Марго:

«Иногда пиявка — это вовсе не соседка и даже не коллега. Это старая, уставшая часть мира, которая ищет, чем подпитаться, потому что разучилась светить сама. Ты можешь пожалеть её. Но не давать ей пить из себя. Потому что твой свет — это твоя жизнь. И кто его зажигает — ты решаешь».

Байка вторая. Как Марго встречала упырей и вурдалаков

Каждое утро Марго приходила в свою Зазеркальную избушку, заваривала чай с мятой и готовилась к встрече с теми, кого в народе называли «упырями и вурдалаками». Они не были страшными — нет. Они были просто людьми, но в их душах поселилась такая тоска, что она превращала их в

сказочных существ. Они топали, кричали, размахивали бумажками и требовали — требовали, чтобы кто-то, наконец, услышал их боль.

Марго не боялась их. Она знала: за каждой маской скрывается человек, который устал быть невидимым.

Вот и сегодня — первый упырь ворвался, даже не постучав. Он был огромный, лохматый, с глазами, полными обиды, и с папкой, которую он держал перед собой как щит.

— Почему?! — закричал он с порога. — Почему мне отказ?! Я всё собрал! Вы обязаны! У меня нет денег, нет жилья, нет работы! Что вы мне скажете?!

Марго поставила чашку, посмотрела на него внимательно и сказала:

— Ты не злой, — тихо произнесла она. — Ты устал. Ты так долго стучал во все двери, что забыл, зачем ты стучишь. Ты не справку хочешь получить. Ты хочешь, чтобы тебя услышали. Я слышу тебя.

Упырь замер. Его гнев, который он нёс с собой как мешок с камнями, вдруг стал тяжелее. Он опустился на стул и сказал:

— Да... Я устал... Я не знаю, что делать... Но почему вы мне отказ...

— Потому что в этой справке нет твоей правды, — спокойно ответила Марго. — Ты принёс бумажку, которую написал не ты. Ты принёс чужую историю. А я хочу услышать твою. Расскажи мне, что на самом деле.

И упырь рассказал. Сначала зло, потом тише, потом почти шёпотом. Он рассказывал не про бумажки, а про жизнь. Про потерю. Про страх. Про то, как он не знает, за что ухватиться.

Марго слушала, не перебивая. В конце она сказала:

— Ты — не упырь. Ты — просто человек, которого никто не научил просить о помощи иначе. Давай попробуем вместе найти выход.

Упырь ушёл спустя час. Уже не злой, а уставший, но с надеждой. Он даже не заметил, как его мешок с гневом стал легче — потому что Марго помогла ему переложить его в слова.

На его месте тут же возник вурдалак. Он начал кричать ещё громче:

— Вы обязаны! Это ваша работа! Я напишу жалобу!

Марго не испугалась. Она налила ему воды и сказала:

— Напишешь. Конечно, напишешь. Но сначала ответь мне на один вопрос: чего ты боишься?

— Я ничего не боюсь! — закричал вурдалак. Но в его голосе дрогнула нота.

— Ты боишься, что тебя не услышат, — мягко сказала Марго. — Ты боишься, что тебя не заметят. И поэтому ты кричишь. Чтобы я тебя заметила. Я заметила. Ты важный. А теперь давай вместе посмотрим, что можно сделать с твоей жалобой, чтобы она не съела тебя изнутри.

Вурдалак сник. Его крик, который он нёс перед собой как щит, оказался просто маской. За ней был испуганный, устав-

ший человек, который не умел говорить иначе.

К концу дня Марго приняла всех — упырей, вурдалаков, и даже одного Лешего с незакрытым больничным. Она не устала — потому что она не впускала их крики в себя. Она слушала их сердцем, но не забирала их боль. Она помогала им переложить её в слова, в бумаги, в решения.

А вечером, когда лес снова опустел, Марго села на крыльцо, выпила чай и подумала:

«Иногда люди — как вурдалаки и упыри. Они орут, потому что не умеют иначе. Они хотят, чтобы их увидели. Но это не значит, что я должна превращаться в пустой сосуд, куда они сливают всю свою боль. Я могу быть как река: пропускать через себя, но не задерживать. Я могу слушать, не тонуть. Я могу помогать, не разрушая себя».

Маленький итог от Марго:

«Упыри и вурдалаки — они не страшные. Они просто забыли, что они — люди. И если ты поможешь им вспомнить, они перестанут быть монстрами. Но помни: помогать — не значит отдавать себя целиком. Твоя задача — протянуть руку, а не позволить сесть на шею».

Байка третья. Как Марго зажигала свет, а её ругали за тень

В Зазеркалье время текло иначе. Иногда оно растягивалось, как медовый сироп, иногда сжималось, как пружина в старых часах Лешего. Но Марго знала: чтобы помочь всем, кто приходит к её избушке, нужно быть не просто проворной

— нужно быть почти волшебницей.

Она вставала затемно, пока первые лучи солнца только лизали верхушки сосен. Она зажигала свет в своём окошке раньше всех, чтобы те, кто уже стоял у крыльца с самого рассвета, могли согреться. Она жила в Зазеркалье не для галочки — она жила для того, чтобы светить.

Но однажды случилось то, что случается с каждым, кто много отдаёт и редко получает благодарность.

Была глубокая ночь. В избушке горел только один светильник — тот, что питался от дыхания Марго. Она сидела над свитком, который никак не хотел складываться в нужную форму. Рядом стоял чайник, в котором уже остыла вода, которую она заварила ещё на закате.

Перед ней сидела Кикимора. Она пришла за заветной справкой — той самой, которую три года не могла получить. И вот, когда Марго, усталая, но довольная, протянула ей свернутый в трубочку пергамент, Кикимора поджала губы и сказала:

— Долго же ты, Марго! Я тут сижу, как привязанная, а ты… чаи пьёшь?

Марго замерла. Её рука с пергаментом застыла в воздухе. Слова Кикиморы были как холодный ветер, который ворвался в тёплую избу и задул тот самый светильник.

Внутри Марго что-то дрогнуло. Она хотела сказать: «Я не пила чай, Кикимора. Я не спала две ночи, чтобы твой свиток заговорил. Я пришла раньше зари, чтобы ты не ждала на мо-

розе. Я переписала его три раза, потому что первая версия была слишком унылой, а вторая — слишком радостной, и ты бы не поверила».

Но она промолчала. Она взяла паузу. Посмотрела на остывший чай, на стопку свитков, которые успела разобрать за день, на свои руки, которые уже не чувствовали усталости — только холод.

Вместо оправданий она сказала — негромко, но так, что в избушке стало тише, чем в лесу перед грозой:

— Кикимора, свет в моём окошке горел затемно. Я не чаи пила. Я делала твою справку. Я делала её так, чтобы в ней была правда. А не просто слова. Я не могу сделать её быстрее, не потеряв главного. Я не могу работать быстрее своей души.

Кикимора замешкалась. Она не привыкла слышать такие слова. Она привыкла, что все спешат, отмахиваются, делают «лишь бы отстала».

Марго взяла свой остывший чай, подошла к окну. За ним, в лунном свете, стояли деревья, которые тоже ждали помощи — но не жаловались. Они просто ждали. И Марго подумала: «Деревья не умеют говорить. Но они умеют благодарить. Тихо. Листьями. Тенью. А люди — они умеют говорить. Но часто забывают, как благодарить».

Она поставила чашку и сказала:

— Ты устала ждать. Я понимаю. Но я тоже устала. Только я устала по-другому — от того, что моя помощь перестаёт

быть светом и становится повинностью. Я не хочу, чтобы моя забота превращалась в обязанность, которую я должна тебе. Я хочу, чтобы она оставалась даром, который я тебе даю.

Кикимора долго молчала. Потом взяла свиток и сказала:

— Прости. Я не заметила. Я просто... ждала.

Марго улыбнулась.

— Я знаю. Я тоже жду. Но теперь я жду не благодарности. Я жду, чтобы ты, уходя, запомнила не скорость, с которой я работаю, а то, что я тебя видела. Ты — не просто бумажка. Ты — живая. И я хочу, чтобы ты это помнила.

Кикимора ушла. А Марго осталась в своей тихой, тёплой избушке. Она допила холодный чай, посмотрела на небо и подумала:

«Иногда помощь — как костёр. Ты разводишь его, чтобы согреть других. Но если они подходят слишком близко и не видят пламени — они могут обжечься. Или, что хуже, они могут сказать, что огонь слишком мал. Но ты знаешь: ты не обязан согревать всех, если они не хотят видеть твой свет».

Маленький итог от Марго:

«Помогать — это не значит делать всё быстрее, чем ты можешь. Это значит делать так, как велит твоя душа. А если кто-то не видит твоего света — это не значит, что свет исчез. Просто у них другие глаза. И это не твоя беда. Твоя беда — перестать светить из-за того, что кто-то не заметил».

Байка четвёртая. Как Марго раскатывала колобков

В Зазеркалье, как и в любом королевстве, случалось всякое. Иногда судьба путала свитки, иногда время складывалось в узлы, а иногда — случалось то, чему не верили даже самые мудрые старцы.

Однажды к Марго прикатилась целая очередь колобков. Они были разные: румяные, бледные, круглые, чуть сплюснутые, с изюмом и без. Но всех их объединяло одно: они получили злато за то, что их «не стало».

— Мы получили злато, — говорили колобки, — потому что нас признали ушедшими. Мы даже справки получили. И печати. И всё по правилам.

Марго смотрела на них и видела: колобки, как колобки. Круглые, румяные, катятся. Но один из них стоял чуть поодаль. Он не катился. Он просто лежал на боку и вздыхал.

— А ты чего не катишься? — спросила Марго.

— Я не колобок, — грустно ответил он. — Я человек. Но меня записали в колобки. И теперь я должен катиться, но я не умею. Я просто лежу и жду, пока меня кто-нибудь увидит.

Марго подошла ближе. Она пригляделась и поняла: он не колобок. Он просто человек, которого судьба превратила в колобка. Потому что в свитках он был мёртвым, а в жизни — живым, но забытым.

— А кто же вас всех записал в колобки? — спросила Марго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.